

Лучано Паваротти живет без тайн

ОТКРОВЕНИЯ

Вер. — 1996. — 30 авг. — 6 сент. 1997 г.
и продолжает великолепно петь... при меньшем весе

Что происходит, когда самый популярный актер разводится? Сокращается количество сплетен, худеет не сам певец Лучано Паваротти, а «информационный банк» светской хроники, так считает менеджер великого певца и сам Лучано.

Развод официально оформлен, но в полную силу войдет только через три года. Супруга Адуа Верони и три взрослые дочери получают 80 процентов капитала (примерно сто миллионов долларов) благородного тенора и в будущем не окажутся «обездоленными»; им будет отчисляться определенный процент от каждого крупного контракта певца. А таковых уже по крайней мере пять до 12 октября 1996 года, когда Лучано исполнит шестьдесят один год. До 2000 года контракты составляют уже около 20 миллиардов лир.

Лучано тем временем поет, смеется и любит. Как говорят, теперь только свою 26-летнюю образцово вышколенную секретаршу Николетту Мантовани. Содержит виллу на родине под североитальянским городом Модена (стоимость — 600 миллионов лир), дом в Монте-Карло — 500 миллионов, квартиры в Нью-Йорке... Хобби прежнее — конный спорт. Юношеское увлечение — футбол — не забыто, но ныне не только из-за возраста и веса он следит за матчами на стадионе, и чаще у телевизора.

Вес, конечно, осложняет жизнь певца и прыгает, как футбольный мячик: от 152 килограммов (как было у Элвиса Пресли перед смертью. Паваротти не любит этого сравнения) до отметки менее ста под наблюдением врача-диетолога Мари-Пьер Гренье — когда-то доктора при футбольной команде клуба «Марсель».

— Как вы себя чувствуете когда сбрасываете вес? — спрашивают журналисты у Лучано.

— Прекрасно, — говорит певец и смеется: — Лучше задайте этот вопрос моим лошадям на моденском ипподроме. Я же не утрачиваю наслаждений жизни: греюсь на солнышке. Правда, приношу некоторые жертвы — отказываюсь от лишней порции спагетти и вместо любимого вина «Ламбруско» пью только минеральную воду с вишневым сиропом. Размер ботинок (45-й) не уменьшается. Модельеры Армани и Валентино только в восторге, когда я теряю в весе.

— Как удастся фотографам делать компрометирующие вас снимки?

— А что может меня компрометировать? Я человек, живущий без тайн в Италии, США, Англии, на Барбадосе, в водах Тирренского или Карибского морей, хоть в океане. Пусть снимают все, что пожелают. Хоть через замочную скважину. Это их профессия. Моя же — сцена. В театре на концертах — моя аудитория, моя публика. И с ней я хотел бы говорить. На языке и голосом искусства. Впрочем, готов говорить и с прессой. Сегодня, например, скажу то, что еще никогда не говорил: я скоро скажу «прощай» карьере певца...

— Когда?

— Назову точную дату: 29 апреля 2001 года. В этот день исполнится сорок лет моей артистической деятельности.

— Чем вы будете заниматься после 2001 года?

— Полностью посвящу себя преподавательской деятельности. Я вижу столько одаренной молодежи, и многие, к несчастью, оказываются «потерянными на улице».

— Кого вы назвали бы своим наследником на оперной сцене?

— Теноры по воле природы — явление, увы, редкое. Сейчас я бы насчитал пять-шесть хороших певцов. Но их имена не называю.

— *Мазстро, но у вас в запасе до 2001 года еще немало времени. 1997-й станет годом «Международного Паваротти», вы будете работать с Элтоном Джоном, так ли это?*

— Мне бы этого очень хотелось, но пока еще многое не определено.

— *Некоторые критики говорят, что у вас «садится» голос. Насколько это верно?*

— Вот уже двадцать лет, как я об этом слышу. И в этом нет ничего удивительного. Это поймет каждый тенор. Для него это так же нормально, как «до» со времен Пуччини. Не забывайте и о том, что теперь и звучание оркестров выросло на четверть тона.

— *«Историки» вокального искусства помнят три знаменитых «петуха» Паваротти на сценах Нью-Йорка и Милана. Что вы об этом скажете?*

— Я не спорю с историками и счетоводами. Но напомним, что выпял по осени считали, но осень тоже прекрасный сезон. Моему отцу уже за восемьдесят, а он великолепно поет «Аве Мария» в церкви.

— *Ваш американский менеджер как-то заявил, что Паваротти не будет петь в опере, ему мешает передвижаться боль в коленях...*

— Я не слышал, чтобы Герберт Брислин увлекался крепкими спиртными напитками или глубоко занимался вопросами медицины. А подобное заявление, возможно, рождено фантазией журналистов. Допускаю. Ведь они же утверждают, что я по-прежнему люблю макароны по-болонийски, добрый бифштекс и, конечно, прекрасный пол. Впрочем, тоже — в точку. Покажите мне чудака, которому все это не по душе.

Беседовал Михаил ИЛЬИНСКИЙ, Рим